

содержание

Предисловие 9

Глава 1. Большая страна из восьми островов

Обильная земля на Крайнем Востоке 22

Столичный град: лучшие люди в наилучшем месте 46

Добродетельность и гуманность государя: контроль
над природными процессами 58

Модель природы: поэзия. Приручение времен года 83

Модель природы: сад. Приручение пространства 115

Глава 2. Страна островов с просяное зернышко

Разгул стихий в столице: катастрофизм сознания 148

Размер и качество среды обитания: страна крошечная,
далекая и несчастная 169

Страна крошечная, зато буддийская и божественная 180

Поэзия и сад: между фитографией и петроглификой 194

Глава 3. Солнечная страна-крепость, окруженная рвом с морской водой

Добродетельная власть и замиренная природа 234

Страна божественная, солнечная, безопасная 245

Сады радости 276

Глава 4. От островной страны к материковой империи

Император Мэйдзи и природа: не повелитель, но исследователь	302
Приручение моря	311
Природа Японии: самая красивая в мире	328
Материковая держава, многонациональная империя	359
Модель империи: публичный сад	391
Природа и национальный характер	413
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	436
ИЛЛЮСТРАЦИИ	446
SUMMARY	463

предисловие

Природная проблематика в культуре обладает первостепенной значимостью. Будучи в определенной степени независимыми от практической деятельности, теоретические представления о природной среде обитания оказывают огромное влияние на поведение человека. Это влияние закреплено в ритуалах, жизненной тактике и стратегии. Видно оно и на уровне государственной политики — как внешней, так и внутренней. Внутренняя природная политика в традиционном государстве ставит своей целью повышение плодородия земли и обуздание стихийных бедствий. Что до внешней политики, то она в значительной степени строилась и строится в зависимости от оценки (благоприятной или неблагоприятной) качества среды обитания — как собственной страны, так и зарубежья. Контрастными результатами могут быть как полная автаркия, так и силовое расширение территории собственной страны. Оба этих варианта были реализованы в японской истории, поскольку оценка качества среды обитания значительно менялась в разные исторические периоды. В качестве примера может послужить концепт «островной страны» — неотъемлемой и объективной географической характеристики Японии. При всей «объективности» этого термина его содержание радикально трансформировалось на протяжении японской истории. Несмотря на то что размеры территории Японии не претерпевали вплоть

до XX в. драматических изменений, временами японцы считали свою страну большой, а временами — крошечной. Их культура позволяла давать такие противоположные оценки.

Однако что означает этот термин — «японская культура»? Автор убежден, что никакой японской культуры «вообще» не существует. Это динамическое образование, которое наполняется различным содержанием в зависимости от конкретной эпохи. Природная среда обитания японцев мало менялась на протяжении полутора тысяч лет, рассматриваемых в книге. Однако отношение японцев к природе и среде обитания менялось радикально, завися от идейного фона эпохи, господствующего языка описания, преобладающих — оптимистических или пессимистических — настроений, которые господствовали в государстве и обществе. Поэтому и земля Японии казалась им то богатой, то бедной.

Сегодня многие идеи прошлого, связанные с природной тематикой, могут показаться «предрассудками», но весь исследовательский и житейский опыт автора свидетельствует о том, что культура (и культура нынешняя — не исключение) в значительной степени является набором таких «предрассудков». Культура не приносит непосредственных, сиюминутных и осязаемых выгод, ее функция заключается в другом: она предоставляет целостную картину мира. Не имеет никакого резона оценивать ее с точки зрения соответствия «действительности» (т. е. современным «научным» представлениям), потому что сама эта картина обладает безусловной достоверностью для ее обладателя. Вера в подлинность этой картины и осознанное выстраивание собственного поведения в соответствии с ней производят благоприятное и успокоительно-терапевтическое впечатление на ее носителя, формирует «личность» и предотвращает ее от распада, понижения самооценки, попадания в поле разрозненных смыслов, что приравнивается к деградации, «бескультурию», «варварству».

Автор пытался реконструировать картину мира традиционной Японии и определить то место, которое занимала в нем природная среда обитания. Для этого он постарался по возможности полно пользоваться тем словарем, которым пользовались сами творцы этой картины. Ибо только знание этого словаря дает надежду

на понимание. Знание этого словаря дает возможность ощутить всю относительность нашего собственного бытия, умерить наш проповеднический пыл, смешаться с пылью истории. Операцию же по деконструкции мы оставляем тем историкам, которые предпочитают пользоваться выгодами своего хронологического положения и невозможностью людей прошлого дать ответ на построения, создаваемые из новейших композитных материалов, неизвестных творцам и участникам самих событий.

Проблематика отношений между человеком и природной средой обитания чрезвычайно многообразна. Собственно говоря, любое человеческое действие разворачивается в природном пространстве — создание полностью антропогенного пространства, независимого от природы, является невозможным. Тем более это касается традиционного общества, зависимость которого от природы, ее «благосклонности» и «капризов» в краткосрочной перспективе значительно выше, чем сегодня. Неблагоприятные погодные условия и стихийные бедствия, служившие ранее причиной разрушений, вызывавшие голод, приносившие множество смертей и социальных конфликтов, для значительной части нынешнего «передового» человечества представляют собой лишь неприятный эпизод и не угрожают существованию статистически значимого количества людей. Гораздо большую угрозу для жизни представляет собой нынешняя антропогенная деятельность — число жертв техногенных катастроф и аварий намного превосходит число жертв природных катастроф.

Жизнь традиционного общества буквально окружена природой, которая является для него источником восторгов и страхов. Природа кормит и одевает человека, она же лишает его средств пропитания, разрушает его жилища, она же — позволим себе незамысловатый каламбур — сносит ему «крышу». Осознавая свою зависимость от природной среды, это общество обладает лишь немногими (или же недостаточными) практическими средствами для того, чтобы повлиять на природу, приспособить ее под свои нужды, смягчить последствия природных «аномалий». В этой драматической ситуации человек ставит своей задачей не только непосредственное воздей-

ствие на природу, но и воздействие на те высшие силы, которые, по его убеждению, управляют ею.

В самом общем виде отношения человека и природной среды обитания можно подразделить на два основных аспекта. Во-первых, это практическое освоение природного пространства, приспособление к нему и его преобразование. Работ, исследующих этот аспект, существует великое множество — в том числе и рассматривающих японский материал.¹ Производимая человеком «колонизация пространства» находит свое отражение в работах по истории земледельческой и иной хозяйственной деятельности человека, в исследованиях по истории жилища, поселений, городов. Доместикация пространства встречается с «сопротивлением» природного материала, его «жесткостью», люди вынуждены учитывать особенности рельефа, почв, водных, растительных и минеральных ресурсов, климата. Все эти факторы определяют способы адаптации к вмещающему ландшафту, многие характеристики бытовой культуры, включая устройство дома, пищу, одежду, транспорт и т. д. В связи с достаточно подробной изученностью указанных проблем практическая сторона отношений между человеком (японцем) и природой является фоновой для нашей книги.

Второй аспект является менее изученным. Он связан с теоретическим осмыслением японцами природной среды обитания и ее моделированием. Иными словами, речь идет не о среде обитания, а о «среде воображения». Из устоявшихся научных дисциплин такой подход ближе всего к культурной географии. Подобные исследования на японском материале проводятся, но все-таки их намного меньше, чем работ по практическим аспектам взаимодействия человека и природной среды. В настоящее время существует немало работ, рассматривающих тот или иной аспект осмысления природных реалий: природа, отображенная в религиозных текстах и японской литературе (прежде всего в поэзии), природа в изобразительном

1. См., например: *Мещеряков А. Н.* Ранняя история Японского архипелага как социо-естественный и информационный процесс // Мещеряков А. Н. Япония в объятиях пространства и времени. М.: Наталис, 2010. С. 22–52. Там же содержатся ссылки на некоторые важные исследования в этой области.

искусстве, японский сад. Во многих из этих работ убеждение авторов в особой «чувствительности» японцев по отношению к природе выступает в качестве аксиомы и главного вывода. Таким образом, постулируется некая врожденность изящного вкуса японского народа. При этом мало принимается во внимание, что эстетическая составляющая отношения к природе является по большому счету конструктором конца XIX — начала XX в., когда европейское понятие «эстетики» и было пересажено на японскую почву. Не отрицая эстетического вкуса нынешнего японца, в своей книге мы старались показать, что в основе этой «чувствительности» лежат более основательные и верифицируемые факторы.

Нам не известно ни одной работы, в которой осмысление природных реалий Японии имело бы комплексный и непрерывный (на протяжении всей японской истории) характер. Автору уже приходилось рассматривать такой важный для японской культуры природный объект, как гора Фудзи — в ее динамическом (историческом) восприятии. В этой работе мы попытались, в частности, показать, что скорость изменения физических параметров этого природного объекта — намного ниже, чем скорость изменений представлений о нем.² Нынешняя книга расширяет угол обзора и пытается представить всю природную среду обитания в ее целостности — такой, какой ее видели японцы на протяжении своей истории.

В западной традиции человек выделяет себя из остального природного мира очень рано. Уже Библия трактует человека как высшее божественное создание, которое, в силу этого, имеет неоспоримое право на подчинение природного мира и использование того, что не создано самим человеком. «Коварство» западной парадигмы состоит в том, что человек и вправду уверовал в свою уникальность и вседозволенность — фактически восстал против своего Творца или Природы. Это восстание имеет результатом стремительное присвоение человеком божественных (природных) функций, которое, начиная с Нового времени, стало особенно заметным. В этой парадигме сам человек ощущает себя Творцом — изобретает то, чего

2. Мещеряков А. Н. Гора Фудзи: между землёй и небом. М.: Наталис, 2010.

никогда не существовало в природе или же в божественных замыслах, и, рассчитывая на бессмертие, уже приступил к клонированию самого себя. В этой парадигме человек ощущает себя хозяином и распорядителем природного мира, который из божественного создания, требующего пиетета и трепетного отношения, превратился в вульгарный ресурс, поле для присваивающего хозяйствования и арену опустошительной потребительской деятельности.

Такой подход ведет к решительной и сокрушительной трансформации природы и среды обитания, значительная часть которой на глазах превращается в среду вымирания. Крайним примером такого подхода является разработка климатического оружия. «Мыслящая» часть человечества бьет по этому поводу тревогу, пытается доказать, что настало время отказаться от подхода, когда природа рассматривается как неисчерпаемый «ресурс» для человека, но эти призывы имеют пока что лишь ничтожный практический эффект. В сознании современного человека природа предстает как уже покоренная сила, с которой победитель волен поступать удобным для него в данный момент образом. Одновременно с этим в повестку дня встает полноформатное освоение уже космического пространства, ибо подсознание подсказывает: земной ресурс близится к истощению. В основе неумемного желания выйти за пределы Земли лежит глубоко спрятанный комплекс собственного бессилия и неверия в деле самостоятельного создания среды обитания, рассчитанной на длительное проживание в ней.

На Дальнем Востоке вообще и в Японии в частности в связи с природо-человек человеку длительное время (до начала «модернизации» на западный манер) принадлежало более скромное место. Человек, безусловно, наделялся самостоятельным от природы бытием, но его поведенческая стратегия по отношению к среде обитания вплоть до новейшего времени заключалась скорее в приспособлении, нежели чем в волевом и осознанном преобразовании. Всякий акт вмешательства в природу сопровождался комплексом ритуальных мер, направленных на умиротворение высших сил, которые по умолчанию настроены отрицательно по отношению к произвольной антропогенной деятельности. Природа находилась

в ведении не человека, а высших сил, которые посылают японцу природные знаки — довольны ли они поведением человека или нет. Мониторинг человеческой морали также входил в их сферу компетенции. По состоянию природы судили и о состоянии морали. Вольно или невольно, но японский подход к природной среде обитания долгое время являлся более сбалансированным, системным и экологичным, чем европейский.

К высшим японским силам относятся синтоистские божества, будды, конфуцианское Небо, безличные и невидимые флюиды, порождаемые Землей. Знаки, посылаемые высшими силами, даются через природу, которая лишена человеческой речи, — она общается с человеком посредством знамений. Язык знамений понятен лишь избранным экспертам, которые и занимаются его толкованием и переводом на человеческий язык. К таким специалистам относятся в первую очередь синтоистские жрецы, буддийские монахи, астрологи, геоманты и поэты. Жрецы и монахи — наиболее многочисленная категория природных экспертов. Они знают правила отправления ритуалов и номенклатуру приношений, призванных задобрить богов и будд, которые, в свою очередь, приводят природную среду обитания в состояние, благоприятствующее человеку. Астрологи и геоманты интерпретируют язык земли и небесных тел, дают рекомендации, как устроить пространство, в котором пребывает человек, таким образом, чтобы смягчить гнев Неба и последствия непрекращающейся активности вредоносных духов земли. Что до поэтов, то им ведом тот заклинательный язык, с помощью которого описывается идеальное (умиротворенное) состояние природы, данной в последовательном чередовании четырех времен года. Поскольку сочинение стихов является делом угодным божествам (прежде всего синтоистским), они, как говорится в текстах, «радуются» стихам, стихи являются средством воздействия на божеств и эквивалентом молитвы.

Деятельность всех этих экспертов «по природе» направлена на обеспечение безопасного и благополучного существования человека и представляет собой коммуникацию с высшими силами, которые являются посредниками между человеком и природой.

Сама природа не наделялась при этом самостоятельным бытием. Молитвы и ритуалы были адресованы сверхъестественным инстанциям — синтоистским божествам, буддам, конфуцианскому Небу, которые и управляли природой. Аномальное же поведение природных сил являлось свидетельством недовольства высших инстанций поведением человека, который был вынужден реагировать на те природные знаки, которые ему посылались. Таким образом, то, что в рамках естественно-научных представлений мы именуем сегодня «природой», являлось для древних японцев составной частью мира, управляемого высшими силами. Подчиненное положение человека по отношению к этому миру не вызывает сомнений, и он не дерзает изменить это соотношение.

Внимание к природным реалиям было обусловлено осознанием своей зависимости от них и желанием установить контроль над природой, которая зачастую воспринималась как грозная и даже враждебная сила, требующая постоянного контроля и наблюдения. Слабосилие «человека практического», невольная переоценка своих магических возможностей и желание достигнуть большего приводили к выработке ритуальных мер для установления контроля над природой — мер, призванных привести природу в благоприятное для японца состояние.

Желание упорядочить природные силы приводило и к выработке концепций идеальной (чаемой) среды обитания, которая благоволила бы человеку и не могла нанести ему вреда. Именно такая природа была представлена в императорских поэтических антологиях. В японских садах забота о создании идеальной среды обитания находила свое материальное (трехмерное) воплощение. Это было пространство, защищенное от вторжения неблагоприятных природных влияний (флюидов). Таким образом, главная функция древнего и средневекового японского сада — быть оберегом. И только много позднее таким садам стали приписываться эстетические смыслы. На протяжении большей части истории сад являлся огороженной глинобитным забором проекцией идеальной природной среды. Соотнесению идей об идеальной природе (окружающей среде) и их воплощению в садах посвящена значительная часть этой книги.

Сад существовал на всех этапах японской истории, но его устройство претерпевало существенные изменения, изменялись и те смыслы, которые вчитывались в него. Сама идея создания модели идеальной природы или даже мироздания на ограниченной территории свидетельствует об определенном недовольстве реальной средой обитания. В разные времена это недовольство имело разное наполнение. В связи с этим и создание сада могло иметь достаточно разнообразные цели, достигаемые за счет такой мощной концентрации положительных смыслов на единицу площади, которая не наблюдается в естественной среде обитания. Оберег от вредоносных флюидов, податель долгой жизни, площадка для вознесения в рай, место для медитации, резервуар чистого воздуха, модель империи — такие функции выполнял японский сад в разные исторические периоды в зависимости от идейных потребностей государства и общества. Это, разумеется, не означает отсутствия определенной преемственности в садовых культууроформах и смыслах, что, собственно, и позволяет признать эти культууроформы «японскими». Проследить такую преемственность также входило в задачу автора.

Теоретическое осмысление природной тематики происходило в основном в рамках элитарной культуры. Ее представители располагали достаточным материальным обеспечением, временем, образованием и воображением для того, чтобы заниматься осмыслением природы и построением ее моделей. Затем эти модели могли транслироваться и в «низовую» культуру. В связи с этим в книге преимущественное внимание уделяется осмыслению природной тематики во властной и околотовластной среде. К источникам такого рода относятся официальные хроники, исторические сочинения, дневники, религиозные, политологические, географические, поэтологические, садоводческие и иные трактаты, художественная литература — в особенности придворная поэзия. Начиная со второй половины XIX в. все большее значение приобретает публицистика разночинцев.

Данная работа охватывает период с VIII по середину XX в. VIII век — время формирования централизованного государства.

Это и время, когда появляются источники, по которым мы можем судить, в какие отношения вступали между собой человеческо-государственные и природные силы. 1945 год — это год окончания Второй мировой войны, год поражения Японии, который знаменует собой наступление нового этапа в осмыслении отношений между японцем и природной средой обитания. Этот этап представляет собой несомненный интерес, но его разработка требует новых усилий, которых автор ожидает уже от других исследователей.

Книга разбита на четыре главы, каждая из них отражает природные представления японцев в тот или иной исторический период. Первая глава посвящена времени формирования древнего централизованного государства и его расцвета, когда в элите преобладают бодрые и оптимистические настроения. Это оказывает прямое влияние на отношение к среде обитания — японцы считали тогда свою страну большой, а среду обитания — благодатной. Это время продолжается около трех веков — с VIII по X в., т. е., согласно традиционной периодизации, охватывает период Нара (710–794) и первую половину эпохи Хэйан (794–1185).

Во второй главе рассматривается средневековая ситуация, когда на смену оптимистическому восприятию жизни и среды обитания приходят пессимистические настроения. Это было связано с деградацией централизованного государства и кровавыми междоусобицами, и теперь территория Японии воспринимается как крошечные и плохо приспособленные для жизни островки, удаленные от центров цивилизации. Такое отношение к среде обитания преобладает с XI по XVI в.

Третья глава посвящена периоду Токугава (1603–1867). Установившийся мир и высокая степень управляемости страной вызывают радостное восприятие мира, что непосредственным образом оказывает влияние и на восприятие среды обитания — Япония снова позиционируется как достаточно большая страна с самыми благоприятными природными характеристиками.

В четвертой главе речь идет о новейшем времени. Оно начинается вместе с воцарением императора Мэйдзи (1867 г.), когда Япония приступает к модернизации (вестернизации). В начале этого периода

господствуют «упаднические» настроения, связанные с осознанием собственного бессилия перед мощью Запада. В это время Япония воспринимается как крошечная «островная страна». Однако по мере экономических, образовательных и в особенности военных успехов самооценка повышается, что в результате приводит к позиционированию Японии как многонациональной материковой державы, земля и климат которой объявляются самыми благодатными в мире.

Разумеется, автор не смог рассмотреть все проблемы, касающиеся восприятия человеком (японцем) природной среды обитания. Это связано и с недостаточной разработкой этой проблематики в научном сообществе, и с ограниченностью познавательных возможностей самого автора. Кроме того, избранный жанр «сквозной истории» с неизбежностью предполагает некоторую фрагментарность изложения. Так, изобразительные (живописные) тексты, отображающие природную тематику, не рассматривались сколько-нибудь детально. Эволюция жилища также недостаточно объективирована в нашем изложении. Эта книга — скорее приглашение к началу разговора, чем к его окончанию. Не подлежит сомнению, что в дальнейшем многие положения, высказанные в книге, будут подвергнуты уточнению или пересмотру. Так что заранее приносим извинения тем читателям, которые проживут дольше, чем автор, и кого он невольно введет в заблуждение. Единственным извинением может послужить лишь только то, что сам автор разделяет эти заблуждения. То есть читателю придется утешаться тем, что он не одинок. Каждый ученый отдает (или должен отдавать) себе отчет в относительности результатов своих штудий и получать удовлетворение не только от конечности достигнутых результатов, но и от участия в процессе приближения к ускользающей истине.

Выражаем искреннюю признательность Японскому фонду, предоставившему грант для поездки в Японию осенью 2012 г. с целью изучения природной тематики. Благодарим также Нумано Мицуёси, С. А. Родина, Сибуя Юриэ, Е. К. Симонову-Гудзенко, Судзуки Юя, Н. Н. Трубникову за советы и помощь в сборе материала для написания этой книги.

Глава 1.

Большая страна из восьми островов

Обильная земля на Крайнем Востоке

Первые сколько-то пространные письменные тексты японская культура начинает порождать в начале VIII в. Большинство из них было создано при непосредственном участии государства — сотрудников его аппарата. Это своды законов, хроники, поэтические антологии. Появлялись и тексты, созданные по частной инициативе (поэтические, исторические, буддийские). По этим текстам мы и можем судить о том, что происходило в стране и в сознании ее обитателей.

Разумеется, следует отдавать себе отчет в том, что носителями письменной культуры являлся весьма ограниченный круг людей, связанных с государством своей чиновничьей службой. Это были сами чиновники (их количество составляло приблизительно 10 тысяч человек) и буддийские монахи, которые в то время расценивались как сотрудники государственного аппарата (высшие иерархи назначались императором, монахи имели специальные ранги, отправляли ритуалы, направленные на обеспечение порядка в государстве и в природе). Это был тот круг людей, который оказывал повышенное влияние и на весь строй японской жизни, и на его интерпретацию.

VIII–X века — это время создания и расцвета централизованного государства, когда китайские управленческие и мировоззренческие идеи прорастают на японской почве. Государственная жизнь

заключение

В этой книге автор постарался показать, что представления о качестве среды обитания имеют достаточно субъективный и неустойчивый характер, обусловленный состоянием государства и общества, господствующей в тот или иной исторический период картиной мира и эмоциональным настроением эпохи. Именно указанные факторы, а не точно измеряемые «площадь», «температура», «влажность» и иные «объективные» параметры имеют определяющее влияние на представления о размерности территории и ее качествах. При этом описание среды обитания (территории Японии) производилось с помощью ограниченного набора терминов и понятий. К таким ключевым понятиям относятся: остров(а), море, восток, солнце, горы, вода (влажность), центр, периферия. Прибавление к ним соответствующих определений и уточнений создает тот словарь, с помощью которого и производились операции по осмыслению природной среды обитания на протяжении всей японской истории.

Преемственность в описании территории страны наблюдается и еще в одном отношении: концепты, которые следует охарактеризовать как «географический детерминизм», неизменно играли выдающуюся роль. Таким образом, природный фактор признавался первичным по отношению ко всей социальной сфере. Проведенный анализ свидетельствует, однако, об обратном: с нашей,

«современной» и «рационалистической» точки зрения осмысление природных реалий находилось в прямой зависимости от реалий социальных. Однако сами творцы истории вряд ли согласились бы с мнением современного историка и посчитали бы его предрасудком. Однако — увы! — уточняющий диалог в нашем случае невозможен. Личная драма историка состоит в том, что у него отсутствует обратная связь с объектом исследования, его референтная группа — его же современники, но таковы уж правила жизни, изменить которые мы не в силах.

В VIII–X вв. японцы считали территорию своей островной страны большой и благодатной, ее восточное положение соотносилось с солнцем и оценивалось положительно. В это время расцвета древнего централизованного государства социум и среда обитания мыслились как принципиально познаваемые и контролируемые. Для достижения контроля над природой использовались многочисленные государственные (императорские) ритуалы, обеспечивающие бесперебойное круговращение времен года. Эти ритуалы (включая «заклинательное» стихотворчество во время пиров) часто проводятся в садах, которые моделируют идеальную среду обитания, выстроенную в соответствии с геомантическими принципами. Такая благоприятная среда обитания отражена (закреплена) и в императорских поэтических антологиях.

Вместе с деградацией централизованного государства территория страны признается крошечной («страна с просяное зернышко») и приобретает уничижительные характеристики. Расположение японских островов на «востоке» тоже рассматривается как отрицательное — оно трактуется как удаленность от Центра, т. е. прежде всего от родины Будды, Индии. Жизнь воспринимается как неизбежное страдание, а среда обитания (как социальная, так и природная) оценивается как достаточно враждебная по отношению к человеку. Отражением такой ситуации служат сады. Сад амидаистского типа представляет собой ритуально чистую «стартовую площадку» для вознесения в рай (бегства и избавления от горестей этого мира). Приусадебный геомантический сад воспринимается как оберег от вредоносных природных флюидов.

После восстановления управляемости страной (период Токугава) верх снова берут оптимистические настроения, в общественном сознании территория страны прибавляет в размере, в богатстве ресурсной базы и освещенности солнцем, которое из всех стран первой освещает именно Японию. Размеры страны не воспринимаются как грандиозные, но господствующая конфуцианская идеология с ее упором на умеренность («срединность») позволяет считать «не большие и не маленькие» размеры Японии признаком исключительно положительным. Этому типу оптимистического сознания соответствуют обширные княжеские сады. Считается, что эти пейзажные сады доставляют «радость» и тем самым продлевают человеческую жизнь, воспринимаемую как ценность и благо.

С насильственным «открытием» страны в середине XIX в. японцами поначалу овладевает комплекс неполноценности, сетования на крошечные размеры территории и обделенность ресурсами становятся обычным явлением. Япония снова мыслится как крошечная островная страна, бедная ресурсами и оторванная от центра цивилизации — на сей раз Запада. Ситуация меняется с 90-х гг. XIX в. Успехи в войнах с Китаем и Россией порождали перемены в сознании. Термин «островная страна» напитывается положительными смыслами, сулящими процветание страны, которое мыслится как превращение в «материковую империю». Новый для Японии тип «публичного сада» являлся уже не столько моделью идеальной природной среды обитания, сколько моделью обширной империи, которая является источником света (культурности) для других народов. Таким образом, на первый план выходит социальная среда обитания. В то же самое время сама японская природа мыслится как исключительно красивая. Ей приписываются и функции по воспитанию идеального японца — именно природа порождает уникальный психотип японца, несравненного по своим моральным, трудовым и эстетическим характеристикам.

Сразу после окончания Второй мировой войны в Японии господствовали пессимистические настроения, обусловленные как самим поражением, так и крахом прежней картины мира. Потеря заморских территорий снова вернула Японию в ее островные гра-

ницы. Те исторические представления, на которых был основан довоенный дискурс, оказались разрушенными. Те исторические фигуры, которые в прошлом рассматривались как образец верно-подданничества, оказались скомпрометированы. Однако потребность в национальной самоидентификации и предмете гордости оставалась по-прежнему насущной. И тут на выручку снова приходит природа. Показательный пример представляет метаморфоза, случившаяся с Фудзи. Она была символом мощи и амбиций грозной империи, однако сразу же после окончания войны она превратилась в символ новой — демократической и мирной — Японии.

Недавняя история Японии представлялась после войны вереницей ошибок. Сама дисциплина под названием «история» оказалась скомпрометированной. На сцену выходят этнологи, которых возглавлял Янагита Кунио, который еще в довоенные времена говорил о том, что японцы — народ островной. Если официальная точка зрения довоенных идеологов заключалась в том, что Япония является многонациональной материковой державой, то этнологи заговорили о том, что на самом деле японцы — это мононациональный народ, всегда проживавший на островах. И это хорошо, потому что островное положение Японии, ее изолированность от остального мира позволили сформировать уникальный японский народ с его уникальной культурой. Твердя о том, что островная Япония окружена водной стихией, послевоенные этнологи воспринимали море как преграду, а не как возможность для общения. Эта преграда воспринималась по преимуществу в положительном смысле — как возможность для выработки уникального японского менталитета и стиля жизни.¹ Такой подход как бы возвращал японцев в эпоху Токугава, когда окруженность стихией моря трактовалась как непреодолимая преграда — как для иноземного вторжения, так и для проникновения в Японию вредных обычаев, исходивших из внешнего мира. Но если до войны идеи Янагиты Кунио об «островной» Япо-

1. Подробнее см.: Мещеряков А. Н. Послевоенная Япония: этнологическое уничтожение истории // Мещеряков А. Н. Япония в объятиях пространства и времени. С. 236–251.

нии не пользовались широкой популярностью и государственной поддержкой, то теперь его признают отцом-основателем японской этнологии, а в 1951 г. награждают орденом Культуры. Его книги становятся бестселлерами.

Таким образом, и после войны в деле осмысления среды обитания идеологический фактор был задействован в полной мере, идея о том, что природные условия являются ключевым моментом в формировании национального менталитета, нашла себе новых сторонников. Времена менялись, но идея географического детерминизма по-прежнему владела умами. Сам термин «островная страна» вновь обрел положительные характеристики и наполнился особой теплотой. Он служил доводом в пользу исключительности японцев. Во второй половине 1960-х гг., когда мир заговорил о японском экономическом чуде, начался расцвет идеологии, известной как «японизм» (нихондзинрон). Эта идеология обосновывала отличность японцев от всех других народов. Основой этой идеологии стал тезис об «островной стране», природа которой уникальна, благодатна, прекрасна. Японцы же — ей под стать.

Закончилась ли дискуссия по поводу того, каким смыслом наполнено понятие «островная страна»? Думается, что нет. В последние десятилетия в общественном дискурсе большой популярностью стало пользоваться понятие «Японский архипелаг» (Нихон рэтто). Впервые в широкий оборот это понятие было введено премьер-министром Танакой Какуэй, который в 1972 г. опубликовал книгу «Реформа Японского архипелага» («Нихон рэтто кайдзэрон»). В этой книге обсуждались такие неотложные проблемы, как последствия экономического роста, урбанизация и депопуляция, транспорт и экология. В качестве символов загрязнения окружающей среды автор не забыл упомянуть и о гибнущих деревьях сакуры, и о деградации садов и парков.

Эта книга была опубликована на пике популярности дискурса «нихондзинрон». Поскольку в это время Япония стремительно превращалась в «экономического гиганта», то в общественно-государственно-этническом дискурсе господствовали в целом оптимистические настроения, и в книге Танаки они находят свое

отражение. Он констатировал: страна стоит перед определенными проблемами, но мы в состоянии их решить. И он оказался до определенной степени прав — с тех пор экологическое состояние страны сильно улучшилось.

Под влиянием оптимистического настроения в общественном сознании «увеличивалась» (не могла не увеличиться!) и территория страны. Этому осознанию способствовало официальное введение в 1982 г. исключительной экономической зоны, в связи с чем общая территория Японии, подверженная хозяйственному освоению, значительно возросла. Современный исследователь с возмущением и азартом доказывает своим оппонентам, что Японский архипелаг — вовсе не маленькая страна. Хотя площадь ее суши составляет 380 тысяч квадратных километров (60-е место в мире), но с учетом исключительной экономической зоны она занимает уже 9-е место.¹ Автор данной публикации является решительным противником теории «единого японского народа» (справедливо считая ее социально-государственным мифом), он подчеркивает композитность, многообразие японской культуры. И только естественно, что такому многообразию «требуется» (соответствует) значительная территория.

Желание человека соотнести себя с территорией, на которой он обитает, видимо, имеет биологические основания. В Японии этот фактор был значительно усилен «комплексом оседлости», сформировавшимся в результате заливного рисосеяния, островным положением страны, особенностями исторического пути. Однако человек все-таки меняется. Проживая в антропогенезированных ландшафтах, современный японец все больше склоняется к невозможной раньше мысли, что в связке человек-природа именно человек является ведущим фактором. И теперь из уст японцев мы слышим не только похвалы японской земле и природе, но и призывы к их антропогенному улучшению. Недаром идея «климатического дома», полностью изолированного от природной среды и капризов

1. Окамото Масатака. Симагуникан сайко — утинару табунка сякайрон котуку-но тамэ-ни. — Фукуока кэнрицу нингэн сякай гакубу киё. 2010, № 2, с. 79.

погоды, нашла в Японии столько сторонников. Нынешний японец не мыслит своей жизни без кондиционера, воздухоочистителя, увлажнителя. Все эти приборы эксплуатируются только в плотно закрытом помещении, избавленном от четырех времен года, восхищением которыми полна традиционная культура. Тем не менее культурное наследие дает о себе знать и сегодня: исследования современной аудитории указывают на отличное от представителей других культур восприятие природы у японцев.¹

Антропогенное улучшение среды обитания поднято в настоящее время на государственный уровень. В 1998 г. кабинет Хасимото принял пятую после окончания войны программу по комплексному развитию Японии. Эта программа, рассчитанная на выполнение к 2015 г., имеет заголовок «Великий дизайн XXI века. Создание прекрасной земли» («Нидзю иссэйки-но гурандо дэдзайн. Уцукусии кокудо-но содзо»). В преамбуле этой программы говорится о необходимости «продемонстрировать миру прекрасную землю, на которой живут японцы, обладающие современной культурой и образом жизни, которые связаны с особенностями исторического пути и территории». Задача состоит в том, чтобы продемонстрировать миру «вызывающие чувство уважения острова-сад, утвердить идентичность нашей страны в условиях глобального мира». Поддерживая эту программу, мыслитель Кавакацу Хэйта прямо утверждает: идентичность японцев напрямую связана с понятиями «остров» и «сад». И потому он тоже призывает к тому, чтобы превратить Японию в «прекрасные острова-сад» (уцукусии тэйэн-но сима, garden islands).² Таким образом мы видим, как и в нашем «рационалистическом» времени находится достаточно места и для мечты о «райском острове». Но если в древности на роль такого места была назначена неизвестно где находящаяся гора-остров Хорай, то теперь предлагается создать рай «не сходя с места», в самой Японии.

1. Петрова Е. Г., Миронов Ю. В. Особенности восприятия ландшафтов в России и Японии: природные и этнокультурные факторы // *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. LI. М.: РГГУ, 2013. С. 504–522.
2. Кавакацу Хэйта. Фукоку ютоку рон, с. 20, 32–34.

Призывы создать страну-сад находят отклик в душе любого человека. Однако реалии жизни безжалостны. С токийской телебашни мы наблюдаем бескрайний город с редкими пятнышками зелени. Если это и сад, то сад бетона. И только развитое поэтическое воображение может увидеть за нагромождением небоскребов традиционный сад камней.

Божества-защитники четырех направлений

Огата Гэкко (1859–1920)
Хаги

Огата Гэкко (1859–1920)
Горы Ёсино

Summary

“Terra Nipponica: Natural environment and its perception” deals with the perception of the natural environment in Japanese culture. Based on the analysis of numerous primary sources, for the first time in Japanese studies, the author traces the evolution of views on nature throughout Japanese history. The focus of the book is ideas about the size and quality of the habitat, the impact of natural disasters on the picture of the world, models of nature presented in poetry, gardens, philosophical treaties, journalism. The most important problem is also the consideration of nature as a means of self-identification of the Japanese. The author demonstrates that ideas about nature change much faster than nature itself.

Научно-популярное издание 16+

Мещеряков Александр Николаевич

TERRA NIPPONICA:
СРЕДА ОБИТАНИЯ И СРЕДА ВООБРАЖЕНИЯ

Дизайн: С. Н. Андриевич

Верстка: Л. Г. Иванова

Корректор Т. Г. Шаманова

ООО «Лингвистика»
Николаямская ул., д. 4, Москва,
Россия, 109240
тел. (905) 717-05-20

Технологическое сопровождение
и допечатная подготовка
ООО «Бослен»
<http://www.boslen.ru>;
e-mail: info@boslen.ru

Подписано в печать 10.10.2022
Формат 60×90/16
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с готовых
файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом печати»
ул. Гончарова, д. 14, г. Ульяновск,
Россия, 432980